

Юрий Матвеевский

**А над нами звёзды
картами, кораблями облака**



ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 159.9
ББК 88
МЗЗ

Матвеевский Ю.

А над нами звёзды картами, кораблями облака / Матвеевский Ю. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 125 с.

ISBN 978-5-532-93935-6

Однажды к тебе придет один из предков с ружьем за спиной и задаст один-единственный вопрос: «Доволен?» Ты можешь сказать правду, а можешь соврать – ему все равно. Он знает, что творится в твоей душе. Он уже прошел через это. Так что выход один. Видишь цель – рвись к ней до потери сознания, через «не могу», через «не получается», закрывая уши от посторонних шумов и не обращая внимания на косые взгляды. Ведь даже если последние снежинки февраля, зная, что все равно упадут на землю растаявшими молекулами воды и растворятся в бесконечной цепи перерождений, шепчут: «Иди до конца и никогда не сдавайся», то что уж говорить о нас... Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-93935-6

© Матвеевский Ю., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Философский гвоздь	4
В поисках силы	17
Лучший день лифтера Бутербродова	34
Манни Пэй	53
Февраль	66
А над нами звезды картами, кораблями облака	81
Полина делает это в полночь	92
Наблюдатель	107
Бег по кругу, или Очередная сказка о нерешительности	119

Философский гвоздь

– У тебя бывает такое чувство, словно ты застрял на каком-то уровне и дальше никак? Кажется, что и выход виден, какая-то лазейка прорисовывается, а вот перепрыгнуть почему-то не удастся.

– И все бродишь по этому уровню, бродишь... Все места, все уголки, каждый закоулок не один десяток раз прохаживал. Все знакомо, обследовано и заучено до тошноты, а...

– Вот-вот-вот, именно так.

– А выйти оттуда не получается... И не получится.

– Это почему?

– Не обидишься, если скажу?

– Смотря, что скажешь.

– Вот поэтому и не получится. Ты даже слова простого опасешься, строя догадки, что я скажу. А вдруг что-то колкое, неприятное.

– Э-э-э! Чего это тебя так понесло?

– Ты же сам затронул эту тему, а теперь меня перебиваешь. Я чего-то не пойму, ты хочешь на следующий уровень или просто пофилософствовать надумал?

– Хочу!

– Тогда заткнись и слушай...

(из разговора двух подвыпивших мужчин неопределенной профессии примерно тридцатипятилетнего возраста, подслушанного Давидом Жмякиным на одной из трамвайных остановок нашей бескрайней Родины)

Дедушка мучился не долго. Сначала у него отказали ноги, потом он тронулся мозгами. И если сначала он еще просился, чтобы ему принесли «утку», то потом специально наваливал под себя такие кучи, что бабушка только «охала», отстирывая обделанные простыни и проклиная свою судьбу за то, что свела ее с «этим говнодедом». Ноги у него отняло по такой смешной причине, что об этом

даже неудобно рассказывать. Но раз уж завели этот разговор, придется выложить все на чистоту.

Зять подарил бабке с дедом свою хоть и старую, но еще вполне достойную плазму и поставил спутниковую антенну. До этого у них был старенький еще ламповый телевизор, который они почти не включали. Разве, что новости посмотреть. В деревне особо и не посидишь перед голубым экраном, работы хватает всегда, не до телевизора. А тут такой подгон. Зять научил старика настраивать каналы и все такое. И так получилось, что в один день, прилипнув почти вплотную перед плазмой и наблюдая вполне достойную сцену из эротического фильма, дед приспустил штаны и пытался что-то там сделать со своим стручком. Почти в восемьдесят лет! Как говорится в одном анекдоте: «Господи, забрал силы, заberi и мозги». Но видно у деда и то, и другое было в полном порядке. По крайней мере, мозги на тот момент включились на все сто, а что там с другим – осталось известно только ему. И нужно же было в этот самый момент в дом зайти бабушке с соседкой. Старуха привела подругу похвастаться подарком от зятя. Дед видимо так отстранился от реальности, что оторвал свой взгляд от экрана и убрал руку с промежности только тогда, когда услышал сзади себя истерически-обалдевший возглас бабки.

– Ах ты, скотина бесстыжая!

Вот и все. А мог бы быть и инфаркт, успокаивала потом бабушку та самая соседка. Хотя после того, как дед начал лукаво наваливать под себя, бабка подумывала, что лучше бы он сразу концы отдал. И если причина отказа нижних конечностей более-менее прорисовывалась, то почему у деда завернуло мозги остается загадкой. Может быть из-за того, что не мять ему больше свой хер перед голубым экраном при виде голых сексуальных девиц.

Ну, а потом деда не стало. Светлая память, как говорится. Ну, и естественно, просто память. Особенно, о том самом случае. Конечно, соседку эту надо было бы сразу пристрелить, чтобы она по секрету не растрывала всей деревне о такой стыдобе. Но что уж тут поделаешь? Пусть лучше так, чем грех на душу.

Поплакали, закопали, помянули...

Жизнь продолжается.

Давиду было двадцать три, когда не стало деда. Естественно, об истинной причине случившегося со стариком он не знал. Родственники хотели, чтобы у внука остались хорошие воспоминания о любимом и, главное, порядочном и с высокими моральными устоями дедушке. А деда Давид, действительно, любил.

Самым крутым воспоминанием о старике, был его один совершенно немыслимый поступок с точки зрения простого обывателя. Давиду тогда было двенадцать. В тот далекий летний день дед Потап возвращался с охоты. Немного расстроившийся, потому что ничего не подстрелил и для оправдания своего горя накативший чекушку самогона. Короче, в нормальном боевом настроении. И надо же так сложиться обстоятельствам судьбы, что в тот самый день на одну из лесных полян приехала съемочная группа снимать эпизоды для фильма о Великой Отечественной войне. Актеры в немецких формах, немецкие мотоциклы и прочее. Со стороны картина прорисовывалась такая, что время вернулось год так в 1942.

Дед любил свою Родину и любил свою землю. Он был патриот и собственник до мозга костей. А тут еще съемки проводились на поляне, где они с соседом заготавливали на зиму сено для скотины. В общем, старика накрыло. Вспомнив те суровые годы и решив, что опять началась война, дед Потап поливал огнем съемочную группу до тех пор, пока у него не кончились патроны. А на охоту он ходил почти всегда с приличным боекомплектom. К счастью, обошлось без жертв, даже никого не ранило, но уголовное дело на него все же завели. Правда, так же быстро и закрыли. Руководство съемочной группы сначала возмущенные, затем восхищенные таким поступком старика дали делу обратный ход. Мало того, деду предложили эпизодическую роль партизана в этом самом фильме. В обмен за это дед потребовал, чтобы те не трогали его поляну и съемки проходили в другом месте. Искусство хоть и требует жертв, но только не за счет его двух коров, которым это самое искусство до одного места. Руководство фильма согласилось, подобных полян в округе хватало. В общем, это была победа. Дед оказался самым настоящим героем. А

на деньги за эпизодическую роль партизана он купил новое ружье и целую гору патронов.

Вот такой у Давида был дед.

В день похорон, когда уже близкие и соседи сидели в доме и поминали засыпанного землей старика, Давид полез на чердак. Ему стало просто не по себе от всех этих разговоров, которые завелись после того, как все накатили рюмки по три-четыре. Из воспоминаний о деде темы разговоров перешли на обычную бытовуху. Это было похоже уже на простые посиделки и его отвернуло от этих людей. Захотелось уединиться.

На чердаке были коробки со старыми вещами, всякими безделушками, ненужными мелочами, вышедшими из строя электроприборами и прочим-прочим-прочим, которые его семья привозила сюда из города за ненадобностью. Выкинуть было жалко, авось пригодиться. Вот сюда все и свозилось. Там в одной из коробок со своими подростковыми вещами и другим хламом он и нашел гвоздь, который в определенные моменты его жизни оказывался не то, чтобы судьбоносным, но играл немалую роль в некоторых ситуациях.

Давид держал в руках этот расплюснутый, заточенный под нож и с обмотанной под рукоятку проволокой гвоздь, и воспоминания нахлынули сами собой.

Этот предмет появился у него в пятом классе, когда они толпой малолеток выкладывали гвозди на железнодорожное полотно, а потом после того, как по ним проезжал поезд, собирали их и затачивали об тротуарные бордюры. У него было много таких, но все они куда-то подевались. Этот же с обмотанной красно-желтой проволокой сохранился.

В седьмом классе ему нравилась одна девчонка. Он вспомнил ее, вспомнил и тот вечер, когда с гвоздем в кармане вышел против троих старшеклассников, которые угрожали ему, если Давид будет и дальше дружить с той девочкой. Драка получилась славная. Он даже не вытащил приготовленный гвоздь, ярости хватило на всех. И ощущение того, что в любой момент Давид сможет достать из кармана свою заточку, может быть и придало ему столько храбрости. Ему

тогда тоже хорошо досталось, но его оставили в покое. А та девчонка гордилась им.

Он вспомнил, как вдвоем с другом разогнали толпу, наехавших на них сверстников. Опять же в кармане у него тогда был приготовленный на всякий случай гвоздь.

Казалось, этот предмет давал ему какую-то силу, делал увереннее, мужественнее, храбрее.

Они уехали из деревни на следующее утро. В кармане у Давида лежал тот самый гвоздь.

– Вот ты говоришь, второй уровень, следующий уровень. А ты вообще представляешь, что там должно происходить?

– Хм... Ну... Там...

– Замялся. Ты даже конкретного представления не имеешь, на какую ступеньку хочешь перескочить. Как ты попадешь в то место, о котором ничего не знаешь? Не знаешь, где оно находится и какой там будет твоя миссия.

– Но он же есть этот следующий уровень! И я хочу туда попасть!

– Ты меня таки не понял. Как можно попасть в то место, о котором имеешь только далекое представление, что оно есть, но не знаешь, где оно находится?

– Методом проб и ошибок.

– Ты идиот, что ли?! У тебя вся жизнь уйдет на это. А толку из этого не будет никакого.

– Если ты такой великий гуру, что же ты топчешься на том же месте, где и я?

– А чего ты так решил, что я в том же месте, где и ты?

– А что тут решать?

– Короче, ты думаешь, что если мы работаем вместе и только что прибухнули немного пива – мы оба в заднице, которую ты нарисовал в своем гребаном воображении? Дорогой мой, это твоя задница, ты ее творец. А у меня все нормально. Проще говоря, находясь в одной и той же ситуации, два разных человека могут быть совершенно в двух разных плоскостях, уровнях, измерениях. Называй, как хочешь. Иногда эти плоскости могут быть совершенно противоположными.

Так что, не надо приписывать меня в число застрявших персонажей в месте, которое ты сам себе определил.

(из того же подслушанного Давидом Жмякиным разговора на трамвайной остановке)

После смерти деда прошло три с лишним месяца. Давид как-то поймал себя на мысли, что жизнь вокруг продолжается, семья живет своей обычной жизнью, словно и не было никаких похорон, траурных процессий и всего прочего, связанного с кончиной старика. Словно все так и надо. Все по плану, задуманному кем-то свыше, с которым все согласились и приняли, как закон. Это его немного расстроило. Он представил, как и его дряхлое бездыханное тело, прожившее долгую и насыщенную жизнь, положили в гроб, заколотили крышку гвоздями, опустили в яму, присыпали землей и... И все. Жизнь будет продолжаться без него. Его дети, внуки будут смеяться, решать какие-то вопросы, строить свои планы, только во всем этом он уже не будет участвовать. Родственники же особо и не расстроятся по этому поводу. Такова правда жизни.

Пару дней Давид ходил поникший, обдумывая все это, но потом решил отогнать эти мысли куда подальше, чтобы совсем не вогнать себя в состояние глубокой депрессии, а то и вовсе не тронуться мозгами, как его любимый дед. Он еще молод и вся жизнь впереди. И самое печальное – что-либо сделать или изменить движение могущественного колеса под названием «жизнь» ему не под силу. Как будет, так будет. А тут еще в его жизни появилась Даша. Двадцатилетняя симпатичная девица, которая устроилась в их пиццерию кассиром. Тут уж не до философских размышлений о жизни и смерти, и тем более не до воспоминаний об усопших родственниках. Особенно, когда гормоны прут, как скорый поезд «Москва – Санкт-Петербург».

Дашка нравилась Давиду очень. И когда их смены совпадали, он то и дело бросал короткие взгляды в ее сторону. Когда ее на смене не было, он о ней думал. Приходя домой, Давид о ней мечтал. По пути на работу, он воображал, что они уже вместе. Все мысли были только о ней. Короче, он влюбился. Причем конкретно.

Но было одно «но», которое звали Марина. Одна из старших смен, с которой Давид имел неосторожность остаться наедине аж целых два раза. Первый раз в кабинете у менеджера, второй раз в раздевалке. Это случилось перед самым приходом Даши в пиццерию, то есть ее трудоустройством в это заведение. На пару лет старше Давида Марина положила свой глаз на спокойного, в меру скромного и привлекательного парня и таки соблазнила его. Старшая смены парню вроде бы как тоже нравилась, но это было до того момента, пока не появилась новая кассирша. Теперь Марина отошла на второй план, а вернее, она вообще исчезла с горизонта. Сердце и мозги Давида заняла другая особа.

Со временем нарисовалось и другое «но». Менеджер Иван. Тот положил свой глаз на Дашку и при всяком удобном случае пытался всячески обхаживать симпатичную сотрудницу. Это Давида злило еще больше, чем недавняя интрижка с Мариной. Ему хотелось прикончить Ивана прямо в пиццерии, превратив его лицо в кровавое месиво лопатой для выемки пиццы из печи.

А что же Даша? Даша была неприступна, как Брестская крепость. Она иногда смеялась над шуточками Ивана, делала благодарно-удивленное лицо, когда Давид делал ей пиццу с превышающим лимит для персонала тройным топингом, но все же не отдавала предпочтения никому.

Образовался такой себе любовный квадрат, связи между углами которого были известны только одному человеку – Давиду.

Марина ждала начала месяца. Ждала, как тигрица, которая затаилась перед последним прыжком, чтобы наброситься на свою жертву. Она специально сделала такой график, чтобы несколько раз в месяц с открытия смены они были какой-то час с Давидом только вдвоем.

И этот день настал. Марина одела на себя кружевное белье, черные чулки, прикрыла все это не менее вызывающим платьем и стартонула на работу в предчувствии сладостных минут с вожделенным пиццейоло. Давид это предвидел, когда ему на глаза попался график на следующий месяц. И если Марина в тот день без пятнадцати восемь уже открывала двери заведения, то Давид специально опоз-